

МАЙКЛ ЛЕДИН

ПЕРВЫЙ ДУЧЕ: Д'АННУНЦИО В ФИУМЕ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 94
ББК 63.3(4Ита-9)
Л39

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Василий Бавыка.

Ледин, М.

Л39 Первый Дуче: Д'Аннунцио в Фиуме. — М.: Тотенбург, 2024. — 362 с.

Габриэле Д'Аннунцио был одной из самых ярких фигур в политической истории современной Европы. Поэт и герой Первой мировой войны, Д'Аннунцио верил, что Великая война должна предшествовать установлению нового общественного порядка. Разочарованный итогами войны, он в 1919 году принял на себя руководство мятежниками из итальянской армии и без боя захватил портовый город Фиуме в Хорватии, жители которого приветствовали его с цветами. Д'Аннунцио мечтал превратить Фиуме в путеводную звезду для всего мира и называл его «прожектором, сияющим посреди океана убожества». В данном исследовании историк и писатель Майкл Ледин использует информацию, собранную из итальянских и американских архивов, а также из личных интервью, чтобы изучить шестнадцать месяцев правления Д'Аннунцио в Фиуме, рассматривая их как предвестие успешных массовых движений XX века.

**УДК 94
ББК 63.3(4Ита-9)**

© Василий Бавыка,
перевод с английского, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ЗВЕЗДА.....	10
ГЛАВА 2. СЦЕНА.....	37
ГЛАВА 3. ПОДГОТОВКА СЦЕНЫ.....	67
ГЛАВА 4. СВЯЩЕННЫЙ ВХОД.....	101
ГЛАВА 5. ПОИСКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	132
ГЛАВА 6. ЗА КУЛИСАМИ СЦЕНЫ	170
ГЛАВА 7. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ	193
ГЛАВА 8. ДАННУНЦИАНСКИЙ МИР	232
ГЛАВА 9. МАРШ В БУДУЩЕЕ	267
ГЛАВА 10. КОНЕЦ ФИУМАНСКОГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ.....	308

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Энрико Лонги

ОТЕЦ «СУВЕРЕНИЗМА»:

Д'АННУНЦИО В ФИУМЕ МЕЖДУ КРИЗИСОМ
ЛИБЕРАЛИЗМА И КРИТИКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Первый Дуче» — это увлекательная история о шестнадцати месяцах, когда Габриэле Д'Аннунцио правил городом Фиуме и защищал его от остального мира. Это не только интересная история, но и весьма показательная и наводящая на размышления модель для большей части современного Запада, поскольку Фиуме при Д'Аннунцио был микрокосмом современного политического мира. Анализ даннунцианского Фиуме во многом объясняет загадочное политическое поведение, характерное для западного общества со времен Первой мировой войны.

Яркий стиль политических манипуляций, который Д'Аннунцио разработал в Фиуме, стал предшественником успешных массовых движений, возникших в конце XX века. Некоторые ученые склонны рассматривать как Д'Аннунцио, так и последовавшее за ним фашистское движение как примеры «ненормальной» политики и социальных болезней. Однако «политика Д'Аннунцио» стала стандартом для Запада в этом столетии, и мы являемся наследниками политической традиции, которая зародилась во времена, когда Фиуме перешел под контроль поэта. Эпоха массовой политики стала реальностью благодаря тем мужчинам и женщинам, которые научились формировать из масс единое политическое целое, и Д'Аннунцио занимает видное место в их рядах.

Связь между Д'Аннунцио и фашизмом лежит в центре этой истории, поскольку Д'Аннунцио часто называют Иоанном Крестителем итальянского фашизма. В этом есть доля правды, поскольку без Д'Аннунцио фашисты, вероятно, не смогли бы захватить власть. Практически весь фашистский ритуал произо-

шел из «Свободного государства Фиуме»: обращение с балкона, римское приветствие, крики «эйя, эйя, ала-ла», драматические диалоги с толпой, использование религиозных символов в светском контексте, восхваление «мучеников» и использование их «реликвий» в политических церемониях. Более того, помимо вклада поэта в формирование формы и стиля фашистской политики, движение Муссолини впервые начало набирать силу, когда будущий диктатор поддержал оккупацию Фиуме Д'Аннунцио. Силы, поддерживавшие поэта, впоследствии поддерживали фашистов, несмотря на то что между Муссолини и Д'Аннунцио были серьезные конфликты. Оба они выступали за «новую» Италию и, в конечном счете, за новый мир. Оба пытались превратить своих соотечественников в героических персонажей, отвергая итальянскую традицию вежливости в пользу этики насилия и империализма.

Фиуме Д'Аннунцио выразил динамичный элемент итальянского общества, который сформировался во время Первой мировой войны и в конечном итоге стал важным компонентом фашизма. Ренцо Де Феличе назвал этот компонент «фашистским движением»¹; это было выражение желаний выходцев из низов среднего класса, которые были мобилизованы войной, но отстранены от эффективного участия в политической жизни. Этот формирующийся средний класс, как в Фиуме, так и внутри фашизма, пытался выдвинуть свои требования как против устоявшейся буржуазии, так и против пролетариата. Их требования были расплывчатыми и нечетко сформулированными, но от этого они не становились менее революционными. Со временем Муссолини был вынужден подавить «фашистское движение», чтобы ус-

¹ Renzo De Felice, *Intervista sul fascismo* a cura di Michael A. Ledeen (Bari: Laterza, 1975), pp. 30 ff. (In English, *Fascism*, trans. Michael A. Ledeen [New Brunswick, N.J.: Transactions, 1976].)

тановить жизнеспособный фашистский режим, и многие конфликты между Д'Аннунцио и будущим дуче предвещали последующую борьбу внутри фашизма между движением и режимом.

Таким образом, между Фиуме времен Д'Аннунцио и Италией Муссолини существовали важные связи, но также и глубокие различия, прежде всего в области идеологии. Конституция, которую Д'Аннунцио и Альчесте Де Амбрис разработали для нового государства, была радикальным документом, цель которого сильно отличалась от целей тоталитарного государства, созданного Муссолини. Действительно, Фиуме Д'Аннунцио практически не поддается попыткам классифицировать его как политическое явление ни правого, ни левого толка. Одним из самых блестящих аспектов политической деятельности Д'Аннунцио была его способность заручаться горячей поддержкой самых разных слоев политического мира. В правительство Фиуме входили американские журналисты и поэты, бельгийские писатели и итальянские бизнесмены, а также представители радикальных профсоюзов, анархистских группировок и военных. Это было одно из первых правительств, пришедших к некоей форме «политики консенсуса», и Д'Аннунцио сумел убедить все эти явно конфликтующие силы в том, что его правительство наилучшим образом отвечает их интересам.

Во многих отношениях Фиуме Д'Аннунцио был революционным явлением на Западе, и стремление поэта организовать «анти-Лигу наций» подтверждает это утверждение. Уже в 1919 году он говорил о союзе между арабами, ирландцами и палестинскими евреями, дабы противопоставить колониальным державам силы «нового света», которые он пытался привлечь на свою сторону.

Конституция Фиуме (*la Carta del Carnaro*, или Хартия Карнаро) стала крупным вкладом в политическую теорию, поскольку в ней сочетались радикальные

элементы «новой политики» и квазирелигиозные черты красноречивой риторики Д'Аннунцио, что создало уникальный политический документ. Разработанная в сотрудничестве с Де Амбрисом (ведущим анархо-синдикалистом), Хартия Карнаро предусматривала полное равенство женщин, полную терпимость к религии и атеизму, а также всестороннюю систему социального обеспечения, медицинского страхования и ухода по старости в дополнение к методу прямой демократии. Кроме того, она предусматривала постоянную смену политического руководства, чтобы защитить его от окопавшейся бюрократии и гарантировать постоянное вливание новых элементов в управление городом. Эти специфические политические элементы сочетались с тщательно продуманной системой массовых мероприятий и ритуалов, призванных обеспечить высокий уровень политического сознания и энтузиазма среди всех граждан государства. Культура сочеталась с политикой и искусством в уникальном синтезе, и один критик назвал Хартию Карнаро своего рода Кодексом Наполеона, переписанным Эзрой Паундом.

В основе политики Д'Аннунцио лежало понимание того, что многие конфликтующие интересы могут быть преодолены и «трансцендентированы» в рамках движения нового типа. С уходом старого правящего класса исчезли бы объединения и альянсы, которые доминировали в течение предыдущего столетия, и колониальные народы могли бы выйти на международную арену подобно тому, как ранее бессильные силы западного общества смогли бы захватить власть в своих собственных странах. Д'Аннунцио стремился к новому порядку, основанному на личных качествах, таких как героизм и гениальность, а не на традиционных критериях, таких как богатство, наследие и власть. Вооруженный этой верой и своим инстинктивным пониманием природы массовой политики, Д'Аннунцио

сумел добиться успеха во Фиуме, несмотря на почти единодушное противодействие союзников — победителей Великой войны. В конце концов он был свергнут, когда итальянские вооруженные силы изгнали его из города, но он продолжал играть важную роль во внутренней политике Италии. Пожалуй, самой красноречивой данью уважения, которую можно было бы ему воздать, было огромное уважение и страх, которые Муссолини демонстрировал в годы, следовавшие за Фиумской авантюрой.

Лидеры послевоенной Италии осознавали потенциальную силу поэта и были глубоко обеспокоены его намерениями. Все, от Муссолини до премьер-министра Франческо Саверио Нитти, понимали, что Д'Аннунцио мог бы возглавить успешный поход на Рим во время своего правления в Фиуме, и анализ дипломатической переписки того периода показывает, что это беспокойство было чрезвычайно широко распространено по всему западному миру. Даже американские дипломаты в Европе, которые зачастую не могли даже произнести по буквам имени итальянских политиков, осознавали взрывной характер авантюры Д'Аннунцио. Только отсутствие политической хватки у поэта помешало ему в конечном итоге захватить власть в Италии. Таким образом, значение Д'Аннунцио как политического феномена заключается скорее в тех силах, к которым он апеллировал, и в его видении общества, чем в каком-либо прочном государстве или длительном периоде правления.

История Фиуме Д'Аннунцио знакомит нас со многими событиями, которые сегодня кажутся новыми и тревожными: священнослужители отказываются от облачения в монашеские одежды в пользу брака и светской деятельности; женщины требуют равноправного статуса в обществе, где доминируют мужчины; молодежь призывает к устранению старого и корруп-

пированного политического руководства; военнотружущие выступают за демократическое устройство армии; художники утверждают, что эстетика должна руководить политическими решениями; меньшинства требуют политической власти. Глядя на эти проблемы с расстояния более чем в полвека, нам, возможно, легче анализировать их в микромире Фиуме, чем в условиях более масштабного хаоса сегодняшнего мира.

Восстание, возглавленное Д'Аннунцио, было направлено против старого порядка в Западной Европе и осуществлялось во имя юношеского творчества и мужественности, которые, как они надеялись, создадут новый мир по образу и подобию его создателей. Сутью этого восстания было освобождение человеческой личности, то, что мы могли бы назвать радикализацией масс, которые эксплуатировались на протяжении столетий. Символом этого преобразования человечества был сам Д'Аннунцио, и уникальность его личности воспринималась как живое доказательство того, что такая революция может увенчаться успехом. Те, кто сталкивался с ним, неизменно были вдохновлены и опьянены этим опытом, а люди, участвовавшие в приключении в Фиуме, были глубоко тронуты им и писали о нем так, как будто это был духовный катарсис. Этот духовный аспект имел огромное значение для успеха Д'Аннунцио, поскольку он включил его как в свою политическую практику, так и в свои политические теории.

В конце концов, именно способность Д'Аннунцио убеждать своих последователей в том, что они являются частью высшего духовного мира, сделала его такой влиятельной и важной политической фигурой. Таким образом, он является одним из великих новаторов, а Фиуме — одним из поворотных моментов в современной истории.

ГЛАВА 1

ЗВЕЗДА

9 августа 1918 года жители Вены подверглись необычной воздушной бомбардировке. Небо было заполнено листочками цветной бумаги, окрашенными в красный, белый и зеленый цвета итальянского флага. Это были пропагандистские листовки с посланием, которое начиналось эффектным заявлением: «Жители Вены! Мы могли бы сейчас сбросить на вас бомбы! Вместо этого мы только салютуем вам». Этот шедевр военной пропаганды читается как современный документ. «Мы, итальянцы, не воюем с женщинами и детьми, — читали венцы, — мы воюем с вашим правительством, которое является врагом вашей свободы». Такое различие, свидетельствующее о том, что правительство недостойно людей, которыми оно якобы руководит, стало обычным явлением в попытках спровоцировать массовое общественное недовольство. В то время, однако, это было новшеством, как и финальная часть текста. «Вы настроили весь мир против себя. Если вы хотите продолжать войну — продолжайте ее! Тем самым вы совершите самоубийство. Что вы выиграете? Прусские генералы обещали вам решающую победу? Их решающая победа подобна украинскому хлебу. Вы умрете с голоду, ожидая ее...»².

Пилоты, которые сбросили это сообщение на Вену, рисковали своими жизнями (сам полет был чрезвычайно опасен в тот ранний период воздушных путешествий, не говоря уже об угрозе со стороны австрийских

² Цитата по: Anthony Rhodes, *The Poet as Superman* (London, 1960), p. 162. Это одна из лучших биографий Д'Аннунцио на английском языке, хотя в ней много неточностей.

самолетов и средств ПВО), чтобы совершить этот благородный жест. Это предприятие резко контрастировало с большинством действий во время «Великой войны», которая, как известно, была войной без героев, безликим окопным сражением, в котором массы солдат убивали друг друга ради территориальных завоеваний. Безусловно, на полях сражений в Европе не было недостатка в подлинном героизме, однако образ войны, дошедший до нас, ассоциируется с упорной и методичной тактической войной на истощение. В литературе о войне относительно мало упоминаний о подвигах отдельных людей, и хотя фигура прусского «красного барона» фон Рихтгофена недавно приобрела широкую известность, таких фигур было немного. Один из самых показательных комментариев о Великой войне можно найти в фильмах о ней, поскольку, в отличие от других конфликтов, в фильмах об этой войне практически нет героев. Великая классика «На Западном фронте без перемен» типична; в фильме подчеркивается механический характер конфликта, а война изображается как чередующаяся резня французских и немецких войск, перемещающихся между линиями окопов. В Америке самым известным героем фильмов о войне был сержант Йорк, скучный деревенский парень, отличающийся только одним качеством — поразительным умением обращаться с оружием. Но Йорк был послушным солдатом, который следовал приказам и выполнял свой долг, а не предприимчивым человеком.

Габриэле Д'Аннунцио, автор листовок, которые упали на Вену 9 августа, и командир эскадрильи, рисквавшей жизнью ради этой акции, был одной из фигур, возвышавшихся над этой сценой позиционной войны. Хотя существовали и другие группы солдат, известные своими героическими предприятиями (например, различные штурмовики), было бы трудно най-

ти кого-либо, кто мог бы сравниться с Д'Аннунцио по своей бравате и колориту. Сфера его деятельности не ограничивалась авиацией; он оставил свой след как в морских сражениях, так и на суше. Будь то бомбардировка Триеста с воздуха дважды за один день (сначала листовками, затем бомбами), атака на австрийские окопы посреди ночи с пистолетами и ножами, или пуск торпедных катеров в гущу австрийского флота, стоящего на якоре, и подрыв торпедоносца в бухте Буккари — Д'Аннунцио приобрел репутацию великого поэта-воина. Все это было сделано мужчиной, которому было пятьдесят два года, когда он завербовался в армию, и который потерял глаз в ходе боевых действий. Кроме того, Д'Аннунцио не имел военного опыта до начала боевых действий (за исключением нескольких дуэлей), но был известен в области романтики и литературы. У него была репутация яркого и декадентствующего поэта, драматурга и романиста и прежде всего одного из величайших любовников своего времени.

Поэтам редко удается достичь такого положения в военное время. Единственный литературный персонаж, который приходит на ум в этой связи, — это не реальный человек, а вымышленный — Сирано де Бержерак, а Сирано — довольно фарсовый персонаж. Тем не менее многие социальные потрясения начала XX века происходили при активном участии поэтов (самый известный пример — руководство Куртом Эйснером революционной социалистической республикой Бавария в 1919 году), и именно в этом контексте следует рассматривать драматическую роль Д'Аннунцио в политике XX века.

ПОЭТ КАК ТВОРЕЦ МИРА

Мы обычно не думаем о поэтах как о творцах мира, несмотря на их влияние на мир, в котором мы живем. И все же, мужчины и женщины, которые определяют стиль и вкус, обладают огромной властью. Учитывая высокую степень организации всех средств коммуникации сегодня, мы с большей вероятностью найдем влиятельных поэтов, работающих в рекламном агентстве или политической партии, чем живущих в лофте на окраине города, однако роль остается прежней: тот, кто определяет язык политики, обладает огромной властью. Д'Аннунцио получил контроль над политической риторикой Италии в момент хаоса и кризиса, и он овладел эмоциями тех, кто заполнял итальянские площади, чтобы послушать его речи. Его героизм во время войны позволил Д'Аннунцио преодолеть пропасть между интеллектуалами и массами, поскольку он продемонстрировал, что его бравада была чем-то большим, чем просто словесный фасад. Люди верили Д'Аннунцио, когда он говорил о возрождении славы Италии времен Римской империи и о том, что он возглавит цивилизаторскую миссию в западном мире. Мало кто другой пользовался таким доверием на политической арене послевоенной Италии.

Д'Аннунцио родился в Пескаре, на итальянском побережье Адриатического моря, 12 марта 1863 года. На него оказал влияние его отец, который когда-то был мэром города и был известен своим распутством и расточительностью в финансовых вопросах. Габриэле был истинным Д'Аннунцио как в своем неистовом поиске новых любовных приключений, так и в том, что часто оказывался на грани банкротства. Он получил хорошее образование в знаменитом колледже Чиконьини в Прато, а его литературные способности проявились в ран-

нем возрасте. Когда Д'Аннунцио было всего тринадцать, он сочинил крайне шовинистическую поэму, посвященную визиту короля Умберто в Пескару.

Его литературная карьера началась в тот период, когда Рим начал превращаться в европейский центр; Д'Аннунцио переехал туда в 1881 году, примерно в то время, когда в городе открывалось первое издательство. Д'Аннунцио вскоре стал римским отцом Никербокером, заполняя страницы «Фанфуллы» экзотическими и эротическими историями о высшем обществе, красивых женщинах и драматических подвигах. Он был, пожалуй, первой фигурой того типа, который позже прославился в фильме «Сладкая жизнь». Многие из его колонок для «Фанфуллы» были откровенно автобиографическими и зачастую откровенно непристойными, но в беспокойной атмосфере Рима конца века эта распущенность способствовала укреплению его репутации, харизмы и привлекательности для римских женщин. Его вкусы были схожи со вкусами других художников-декадентов того периода в других европейских столицах. Как и многие другие деятели конца века, Д'Аннунцио разрывался между двумя желаниями: стремлением к «чистоте духа» и стремлением к материальным благам. «Мое чувство эстета неизбежно влечет меня к приобретению прекрасных вещей. Я мог бы прекрасно питаться в скромном доме, сидеть на простом деревянном стуле, есть из обычных тарелок, ходить по коврам итальянского производства... Вместо этого, к несчастью, я возжелал диванов, персидских ковров, драгоценных материалов, японской посуды, всех тех красивых и бесполезных вещей, которые я люблю глубокой и разрушительной любовью»³.

³ Цитируется в книге Emilio Mariano *Sentimento di vivere ovvero Gabriele D'Annunzio* (Milan: Mondadori, 1962), pp. 188–89. Все переводы с итальянского, как первичные, так и вторичные, принадлежат мне.

Многое в творчестве Д'Аннунцио было преувеличено, особенно когда речь шла о самом поэте, но этот конкретный отрывок — преуменьшение. Если посетить его последний дом, знаменитый Витториале на холмах с видом на озеро Гарда (где его квартира была тщательно сохранена в том виде, в каком она была во времена, когда там жил поэт), то можно найти множество свидетельств «глубокой и разрушительной любви» Д'Аннунцио к артефактам этого мира. Его вкусы были насквозь эклектичны, поскольку залы Витториале заполнены картинами, гобеленами, масками, безделушками, скульптурами, статуэтками, вазами, коврами, фарфором, медалями, колокольчиками, музыкальными инструментами и книгами, представляющими собой хаотичную смесь стилей и культур. Потолки либо задрапированы замшевыми порттьерами, либо исписаны различными лозунгами, эпитетами или эротическими фразами. Стены увешаны темными гобеленами и картинами, изображающими все, что только можно вообразить. Д'Аннунцио никогда не был большим поклонником солнца, живя в то время, когда бледный цвет лица считался более красивым, чем загар, и большую часть своих работ выполнял ночью. Солнечный свет почти не проникает в Витториале, и его тяжелая, гнетущая атмосфера даже в солнечный день вызывает в воображении образы опиумного притона. В последние годы жизни поэт писал в основном между десятью часами вечера и четырьмя-пятью часами утра, и в Витториале постоянно поддерживается эта ночная атмосфера⁴.

Образ жизни, который вел Д'Аннунцио, символизируемый его домом, отличал его от соотечественников. В своих зачастую неистовых поисках уникаль-

⁴ Наиболее точное описание Витториале вы найдете в книге Tom Antongini *D'Annunzio's secretary of many years, in Vita segreta di Gabriele D'Annunzio* (Verona: Mondadori, 1943), pp. 786 ff.

ности и образа жизни, полностью отличного от «нормальности», Д'Аннунцио отразил широко распространенное убеждение в том, что художественное творчество не может осуществляться в рамках буржуазного общества. Современное общество считалось отупляющим, искусственным и скучным, способным производить огромное количество машин и потребительских товаров, но неспособным породить творческую искру, характерную для великих художников. Таким образом, для Д'Аннунцио и многих других творческих личностей духовное преображение мира было абсолютно необходимо, чтобы современный человек мог восстановить контакт с источниками своего собственного естественного творчества.

Д'Аннунцио признавал, что его пагубное влечение к материальным благам является несомненным доказательством разлагающего влияния современного общества, поскольку вряд ли можно стать истинным творцом, если растрчивать свою энергию на погоню за безделушками. Таким образом, в то самое время, когда Д'Аннунцио признавался в своей слабости к импортным коврам, он призывал своих соотечественников-итальянцев восстать против поверхностности и искусственности современного мира и выразить свою «латинскую креативность» в актах насилия. В одном из своих самых известных романов «Девы скал» (1894–1895) Д'Аннунцио описал своих духовных предков как «древнюю и благородную расу воинов» и восхищался их актами насилия, их победами и завоеваниями. Он был итальянским ницшеанцем, рассматривавшим современную цивилизацию как тонкую оболочку, едва прикрывающую дикие и жестокие человеческие инстинкты. Д'Аннунцио хотел раскрыть эти инстинкты, чтобы его соотечественники-итальянцы могли стать «естественными», «цельными» существами.

Этот поиск «внутреннего человека» (или «нового человека») был типичен для конца века, и Д'Аннунцио был одним из многих писателей, которые были одержимы поиском сущности человеческой натуры и оригинальности в то время, когда развитие цивилизации способствовало тому, чтобы затопить эту оригинальность в море конформизма и «массовизации». В конце концов, конец XIX века был временем великого триумфа промышленной революции и всех сопутствующих ей потрясений. Для художников того периода наиболее болезненными были изменения их финансовой поддержки. Вместо того чтобы получать поддержку от элегантных меценатов, они становились все более зависимыми от прихотей литературного рынка. Интеллектуалы восставали против этого изменения, поскольку часто презирали «общественность», предпочитая, чтобы их судили сверстники. По мере того как их собственные представления о стиле и креативности все больше отодвигались на второй план, а ценность художника все больше оценивалась по его «востребованности», художники стали отдаляться от современной культуры, предпочитая думать о себе как о людях, стоящих особняком. Для одних это разделение было чисто интеллектуальным актом, в то время как для других оно приняло более тотальную форму. Однако для итальянца изоляция от общества — одна из самых тяжелых судеб, а для такого общительного человека, как Д'Аннунцио, изоляция от мира была невыносима (хотя он и переживал длительные периоды сильной депрессии, когда практически полностью прекращал общение с людьми). Д'Аннунцио нуждался в зрителях и не желал оставаться в одиночестве. Как истинный драматург, он окружал себя самыми разными людьми, чтобы добиться желаемого отклика. Вместо того чтобы «отказаться» от со-

временного общества, Д'Аннунцио в конце концов взялся за его изменение.

Идея преобразования масс из «великих немых» в культурное сообщество мужчин и женщин с хорошим вкусом уже давно привлекает интеллектуалов. Одним из наиболее привлекательных аспектов этой мечты является то, что именно интеллектуалы должны были осуществить эту трансформацию, и Д'Аннунцио не побоялся такого вызова. Таким образом, проблема взаимоотношений художника с обществом трансформировалась в проблему спасения самого общества, поскольку художник должен был стать высшим арбитром в решении проблем общества. Д'Аннунцио выразил это в типично пламенной прозе, когда говорил о своей миссии перед соотечественниками (задолго до того, как он задумал для себя особую политическую роль): «Я хочу написать сборник поэтической прозы, который станет боевым кличем для латинского народа»⁵, — писал он. Д'Аннунцио надеялся вдохновить своих соотечественников силой своей прозы и драматизмом своего примера. Он считал, что итальянцы стали мягкотелыми, и хотел пробудить в них дух агрессивности. Таким образом, он стал сторонником колониальных авантур в Африке (придумав термин *mare nostrum* для обозначения Средиземноморья), чтобы подчеркнуть, по его мнению, патерналистское и доминирующее отношение Италии к другим странам на берегах океана. По иронии судьбы, в течение многих лет он страдал от сильной морской болезни и не смог совершить грандиозное путешествие по Средиземному морю. Тем не менее он преодолел эту болезнь и совершил один из своих самых известных подвигов — Беффа ди Буккари (*Beffa di Buccari*) — на море во время Первой мировой войны.

⁵ Цитируется по: Rhodes, *Poet as Superman*, p. 50 (from a letter to the French poet Herelle).

Как и практически все представители европейской литературной элиты на рубеже веков, Д'Аннунцио поначалу был кем угодно, только не демократом. Он считал, что решения должны приниматься немногими избранными, которые в одиночку могут улучшить вкусы и жизнь большинства. Государство, основанное на всеобщем избирательном праве, по его словам, является неблагородным институтом, поскольку по-настоящему великое государство будет способствовать «постепенному возвышению привилегированного класса к его идеальной форме существования»⁶. Стремясь к собственному возвышению, Д'Аннунцио в последний год столетия вошел в парламент, заняв место в правой части палаты. Но вскоре после этого (27 марта) поэт объявил, что он изменил политическую сторону. Отныне, как он провозгласил, он был человеком левых взглядов, перейдя «от смерти к жизни, от правого к левому»⁷. На самом деле для Д'Аннунцио эти термины [правый и левый] были практически бессмысленны, поскольку он был связан с традиционными итальянскими правыми не больше, чем с социалистами. Его мысли редко фокусировались на традиционных политических идеях, таких как налогообложение, государственные институты или классовые конфликты. Вместо этого политическая мысль Д'Аннунцио была связана с национальным величием, эстетикой итальянских городов, творческим потенциалом итальянского народа и мужественностью итальянских мужчин. Его представление о «политике» было, по существу, духовным, и это вполне соответствовало духу эпохи. Многие соглашались с Д'Аннунцио в том, что парламентская политика тривиальна и неблагородна. Многие, как и он, искали какую-то форму политической деятельности,

⁶ Gabriele D'Annunzio, *Le vergini delle Rocce* (Milan: Mondadori, 1905), p. 73.

⁷ Nino Valeri, *Da Giolitti a Mussolini* (Florence: Le Monnier, 1958), p. 34.

которая могла бы оживить правительство и направить страсти народа на благо своей страны. К началу XX века такие группы, как футуристы, призывали к масштабной войне, чтобы очистить мир от гнилых элементов, которые разрушали его. Война, по их мнению, была единственной «гигиеной», способной вернуть западной цивилизации здоровье⁸. Первая мировая война — вероятно, самое разрушительное событие в современной европейской истории — была встречена такими людьми с распростертыми объятиями.

Маловероятно, что Д'Аннунцио воспринимал Великую войну исключительно в таких терминах. Для поэта война была возможностью продемонстрировать свои уникальные способности и шансом очистить итальянский народ. Едва ли Д'Аннунцио верил, что война — единственный способ достичь величия, ведь большую часть своей жизни он предпочитал любовь сражениям. Его громкая слава как любовника была достигнута благодаря череде страстных романов с одними из самых красивых и обворожительных женщин того времени. Самым известным из них был его продолжительный роман с великой итальянской актрисой Элеонорой Дузе, единственной реальной соперницей Сары Бернар за звание Первой леди европейской сцены. Д'Аннунцио и Дузе были вместе с 1897 по 1904 год, жили в роскоши сельской местности, носили диковинные наряды, устраивали дикие вечеринки и поражали воображение тысяч восторженных зрителей. Слухи об их совместной деятельности могли бы заполнить целые тома. Один из самых невинных, но красноречивых слухов заключался в том, что каждый вечер на закате Д'Аннунцио купался обнаженным в Средизем-

⁸ «Война — единственная гигиена мира» (*Guerra, sola igiene del mondo*) — так называется известная работа, написанная Маринетти в 1915 году.

ном море и что Дузе ждала его на берегу, накиннув на плечи пурпурную мантию, когда он выходил из волн.

Это был период, в течение которого Д'Аннунцио возвел свою эксцентричность в ранг искусства, развивая собственные привычки, чтобы полностью отделить себя от будничного мира буржуазной Европы. Другие были очарованы современными технологиями; Д'Аннунцио всегда писал гусиным пером. Другие были очарованы прогрессом науки; Д'Аннунцио стал мистиком, «гадая» по вечерам на картах, проводя часы напролет с ведьмами и предсказателями, изучая тайные значения чисел, постигая мудрость Востока.

Кроме того, Д'Аннунцио был совершенно очаровательной личностью, одним из немногих персонажей, чье обаяние и харизма распространялись как на мужчин, так и на женщин. О его успехе у женщин ходят легенды, но он также добился большой известности как лидер среди мужчин. Было даже высказано предположение, что его романтическое влечение не ограничивалось женщинами и что на самом деле он якобы был бисексуалом⁹. Это звучит сомнительно, поскольку у него было очень мало друзей-мужчин, и, похоже, он не поддерживал тесных отношений даже со своими ближайшими соратниками. Самым важным аспектом его отношений с мужчинами была его способность убеждать их следовать за ним, способность, которая была почти гипнотической. Он умел поддерживать беседу и, казалось, всегда находил нужные слова, чтобы расположить к себе оппонента или укрепить пошатнувшуюся волю. У него была потрясающая память, и он мог вспомнить встречу, произошедшую много лет назад, с кем-то, кого он до этого никогда не видел. В своих контактах с другими людьми Д'Аннунцио обладал редкой способностью убеждать своих знакомых

⁹ Philippe Julian, D'Annunzio (New York: Viking, 1973).

в том, что он безмерно озабочен их проблемами, очарован их историями и вовлечен в их жизнь. На самом деле его эгоизм был настолько велик, что он был практически полностью безразличен к другим людям.

Если способность Д'Аннунцио к убеждению при личном общении была почти гипнотической, то что можно сказать о его мощном влиянии как оратора? Д'Аннунцио был одним из величайших публичных ораторов эпохи, известной своим ораторским искусством. В дополнение к своему великому языковому дару Д'Аннунцио понимал психологию масс и воздействовал на толпу, формировал ее, вдохновлял, пока полностью не подчинял ее своей воле. Д'Аннунцио сделал толпу активным элементом в своих выступлениях, обращаясь к людям, задавая им вопросы, призывая их к участию. Когда он спрашивал толпу: «Готовы ли вы пожертвовать своими жизнями ради этого великого предприятия?», — их крики «Да» разносились эхом на многие мили вокруг. Д'Аннунцио сравнивал отношения между оратором и толпой с отношениями между художником и его творением. «Толпа таит в себе скрытую красоту, от которой только поэт и герой могут почерпнуть вдохновение. Когда эта красота проявляется в неожиданном шуме, который раздается в театре, на площади или в траншее, тогда поток радости переполняет сердце человека, вдохновившего ее своими стихами, своим ораторским искусством или своим мечом. Таким образом, слово поэта, обращенное к толпе, подобно жесту героя, является действием, которое мгновенно создает красоту в глубинах души, подобно тому, как великий скульптор может создать божественную статую из каменной глыбы...»¹⁰.

¹⁰ Gabriele D'Annunzio, *Il Fuoco* (Rome, 1939), pp. 164–65. Д'Аннунцио здесь повторял теорию скульптуры Микеланджело: художник «освобождает» произведение искусства, заключенное в мраморный блок.

Эти строки были написаны в 1896 году, за много лет до того, как поэт стал известен как великий оратор. На самом деле Д'Аннунцио говорил о театре, а не о политике, и здесь связь между представлениями Д'Аннунцио о художественном творчестве и его вовлеченностью в массовую политику становится более очевидной. Для него не существовало демаркационной линии между этими двумя сферами, поскольку великие политические лидеры по определению были великими художниками, а великое искусство выполняло политическую функцию, поднимая дух людей. Когда на рубеже веков он попытался создать в Италии новый национальный театр, он сделал это отчасти потому, что верил, что это поможет сформировать новое национальное самосознание. И, как заметили жители Вены, он привнес свой художественный талант в военную практику.

Поскольку Д'Аннунцио эффективно стирал границу между искусством и политикой, он точно так же преодолел различие между священным и светским. Д'Аннунцио глубоко интересовался природой священного. Язык его речей и книг показывает, до какой степени он действовал в квазирелигиозных или мистических рамках. Одним из лучших примеров такого рода д'аннунцианской прозы является «Итальянский Пятидесятник», написанный 8 июня 1919 года. В эссе рассматривается вопрос об искуплении Фиуме, и Д'Аннунцио возвел Фиуме в ранг религиозного символа: «Он дунул им в лицо и сказал: примите духа святого». Это слова апостола Иоанна. Сегодня Фиуме дышит в лицо всем нам, итальянцам, оно обжигает наши лица своим дыханием и говорит нам: примите это пламя... Сегодня мы празднуем, во славу Фиуме»¹¹.

¹¹ Gabriele D'Annunzio, *Prose di ricerca, di lotta, di comando, di conquista, di tormento, d'indovinanza, di rivendicazione, di liberazione, difavole, digiochi, di baleni*, 2 vols. (Verona: Mondadori, 1947), 1: 915–16.

Это ораторское искусство Д'Аннунцио во всей красе: поразительная смесь сакральных и мирских элементов, подчеркивающая эмоциональную силу священных символов и неожиданно связывающая их с земными задачами. Его выступление произвело огромное впечатление на аудиторию, досконально знакомую с христианской символикой. У него был необычайно красивый голос, и он мог произносить длинные речи, не теряя своей аудитории. Как драматург, он знал все секреты удержания внимания толпы, и он действительно был похож на художника, высекающего скульптуру из куска скалы, когда выступал перед тысячами людей. Он был настолько эффективен, что итальянское правительство неоднократно запрещало ему публичные выступления, опасаясь того влияния, которое он мог бы оказать на национальную политику.

Использование Д'Аннунцио религиозных символов в традиционно светском контексте позволило ему убедить своих сторонников в том, что они являются участниками священного предприятия. На протяжении всей своей карьеры, еще до того, как он прославился как солдат или политический активист, Д'Аннунцио делил людей мира на две категории: тех представителей духовной элиты, которые были его друзьями и союзниками, и тех негодяев, которые противостояли его воле. Этот контраст стал еще более очевидным во время войны, когда история Италии была причислена к области священного. Величайшая речь поэта в защиту интервенции была богохульной пародией на Нагорную проповедь, знаменитые Заповеди блаженств:

«Блаженны те, у кого есть многое, ибо они смогут многое.

Блаженны те, кому двадцать, кто целомудрен умом, кто воздержан телом, чьи матери храбры.

Блаженны те, кто, ожидая и доверяя, не тратит впустую свои силы, но сохраняют их с помощью воинской дисциплины.

...

Да будут благословенны молодые, которые алчут и жаждут славы, ибо они насытятся.

...

Благословенны чистые сердцем, благословенны те, кто возвращается с победой, ибо они увидят юный лик Рима, его чело, вновь увенчанное Данте, триумфальную красоту Италии»¹².

Подобная пародия, как и следовало ожидать, вызвала неприязнь у представителей власти, но тем не менее ее культурное значение было значительным. Д'Аннунцио был одним из первых, кто разрушил традиционные границы между религиозной и политической сферами жизни, и ему удалось создать новую форму дискурса, в которой эти два элемента слились воедино в своего рода политической игре страстей. Акцент на молодежи также стал темой, которая стала очень важной в политике Д'Аннунцио, поскольку контраст между священным и мирским часто сопровождался параллельным разделением между теми, кто защищал старый порядок, и теми, кто был готов создать новый, «молодой» мир будущего. Д'Аннунцио, несмотря на свой преклонный возраст, выступал от имени сил национального возрождения, и его постоянное подчеркивание жизненной силы вкупе с его собственной хорошо известной энергичностью позволяли ему выступать в роли лидера молодой армии. После захвата им Фиуме это зачастую абстрактное понятие получило официальное оформление в виде анти-Лиги наций, которая взялась представлять интересы молодых, формирующихся наций мира, которые выходили из-под гнета

¹² Ibid., p. 21.

колониальных держав стареющей западной цивилизации¹³. Таким образом, Д'Аннунцио стал одним из первых лидеров того, что мы сегодня называем Третьей мировой революцией, хотя он сделал это во имя особого культурного империализма, поскольку был очарован идеей революции угнетенных народов мира под его собственным руководством.

Если бы не война, Д'Аннунцио вполне мог бы остаться интересной и колоритной фигурой викторианской эпохи, но его боевые подвиги сделали его особенным человеком. Безусловно, он уже продемонстрировал великолепную способность воплощать свои фантазии в реальность, но мало кто ожидал, что это произойдет в контексте Великой войны. Д'Аннунцио давно мечтал принять участие в драме национального героизма, вдохновить своих соотечественников-итальянцев на подвиги на поле боя и защитить Италию от нашествия варваров с севера. Начало Великой войны предоставило ему такую возможность, а особенности руководства итальянскими вооруженными силами позволили ему уникальным образом принять участие в борьбе.

Поэту было нелегко попасть в вооруженные силы, поскольку редко случалось, чтобы мужчина пятидесяти двух лет служил на фронте. К счастью, у Д'Аннунцио были хорошие связи, и ему удалось подергать за нужные ниточки, чтобы попасть в кавалерийскую дивизию. Вскоре после этого он стал свободно парящей птицей в армии, выбирая, по своей прихоти, сухопутные войска, военно-морской флот и военно-воздушные силы для своих подвигов. Рассказы о его действиях во время войны сами по себе составили бы целую книгу, но достаточно сказать, что Д'Аннунцио в полной мере оправдал свои собственные ожидания. Он был бесстрашен, часами летал под огнем вражеских

¹³ Лига Фиуме подробно рассматривается в главе 9.

зениток, часами плавал в крошечной тьме по вражеским водам, часами сидел в окопах под шквальным огнем. Более того, он сумел возвыситься над обыденностью войны, импровизируя подвиги, которые были исключительно его собственными. После полета над Венной газета «Арбайтер Цайтунг» с сожалением спросила своих читателей, нет ли в Австрии поэтов, которые могли бы совершить столь же авантюрные набеги на итальянские города¹⁴. Отрицательный ответ только укрепил растущую репутацию Д'Аннунцио, и Габсбурги предложили особую награду за его поимку или смерть.

К концу войны Д'Аннунцио стал легендарной личностью. Практически единственный среди людей своего времени, он не только создал захватывающее видение жизни и своей роли в мире, но и сумел наложить свое поэтическое видение на саму реальность. Если это и не было определением героизма, то по крайней мере в то время мало кто мог бы претендовать на звание героя так же хорошо, как он. Поскольку война пробудила мечты в душах многих людей, Д'Аннунцио стал национальным символом для тех, кто верил, что героизм, порожденный войной, должен найти воплощение внутри нации.

Политическая эффективность Д'Аннунцио проистекала из множества черт его личности. Его любовные похождения сделали его символом мужественности, важнейшего элемента успеха в латинском политическом мире. Его красноречие и ораторское мастерство сделали его вдохновляющим лидером. Его военные подвиги сделали его национальным героем. Кроме того, его поэтический талант имел первостепенное значение в его политической деятельности, поскольку он создавал символы новой политики послевоенного мира.

¹⁴ Antongini, *Vita segreta di Gabriele D'Annunzio*, p. 691.

Это не значит, что Д'Аннунцио имел лишь героические качества. Хотя у него было много талантов, у него как у потенциального лидера также имелись существенные недостатки. Во-первых, он не был красивым мужчиной: у него был нос картошкой, глаза были слишком близко посажены, а кроме того, у него были плохие зубы. На его зубы было не только неприятно смотреть, но они также причиняли Д'Аннунцио значительные страдания в последние годы жизни. Как и многие его соотечественники, поэт не верил в полезность стоматологов и, похоже, почти никогда их не посещал. В результате он испытывал сильные боли, а количество зубов во рту становилось все меньше. Но зубы были не единственным его физическим недостатком, поскольку Д'Аннунцио был очень маленького роста и ко времени предприятия в Фиуме полностью облысел (результат чрезмерного усердия в обработке антисептиком раны на голове, полученной на дуэли). Очевидно, он чувствовал себя неловко из-за своей блестящей макушки, поскольку его друзья писали о почти навязчивом хвастовстве красотой своего черепа. Поэт утверждал, что обладает самым красивым черепом в мире, и говорил, что его блестящая голова задаст новый стиль. В мире будущего, предположил он, все «красивые люди» будут лысыми¹⁵.

Потеря глаза во время войны сильно затрудняла Д'Аннунцио появление на публике, и он всегда заботился о том, чтобы рассадить гостей на своих званных обедах так, чтобы видеть стол здоровым глазом. Кроме того, напряжение, которому подвергался здоровый глаз в результате многочасовой работы по ночам, приводило к частым головным болям, и по этой причине поэт часто был вынужден отдыхать целыми днями, пока боль не утихала настолько, чтобы он мог возобновить свои труды.

¹⁵ Ibid., p. 12.

Среди всех навязчивых идей в жизни Д'Аннунцио одной из самых известных была постоянная озабоченность деньгами. Это может показаться странным для человека, который жил по большей части в атмосфере роскоши, окруженный элегантностью и изобилием материальных благ; но хотя Д'Аннунцио никогда не испытывал недостатка в вещах, у него почти никогда не было значительных финансовых ресурсов. Огромное количество своего времени он тратил на то, чтобы отбиваться от кредиторов, и постоянно жаловался на свои финансовые проблемы. В какой-то момент, когда он был во Франции в начале XX столетия, итальянское правительство было вынуждено выставить его дом и имущество на публичный аукцион, чтобы собрать деньги для оплаты его счетов. На протяжении всей его жизни ситуация не претерпела существенных изменений. Едва ли это можно назвать благоприятным обстоятельством для того, кто мог бы стать великим политическим лидером. Вполне возможно, что навязчивое стремление Д'Аннунцио создать новое для своего времени государство духовных ценностей было связано с его бесконечным беспокойством по поводу своего финансового положения.

ДРАМАТУРГ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

После войны король наградил Д'Аннунцио золотой медалью за доблесть, и не будет преувеличением сказать, что поэт по праву мог считаться символом борьбы своей страны во время войны. Его популярность была гарантирована, а его влияние было столь же велико, как и у любого другого политического деятеля в Италии. Как и следовало ожидать, в конце войны Д'Аннунцио оказался в центре ряда экстраординарных политических маневров, направленных на то, чтобы

использовать его для того, чтобы захватить контроль над Италией. Как мы увидим, представители практически всех политических партий и движений страны в то или иное время обращались к нему, поскольку политические взгляды Д'Аннунцио позволяли почти каждому считать себя его единомышленником.

Проблемы, которые выдвинули Д'Аннунцио на политическую арену, были следствием Мирной конференции, состоявшейся после войны. Италия вступила в Великую войну с четко определенным набором обещаний от своих союзников, закрепленных в Лондонском договоре (секретном документе, который обещал итальянцам ряд территориальных приобретений, в основном вдоль ее северо-восточных границ и на Адриатическом побережье)¹⁶. Однако со вступлением Соединенных Штатов в войну у Антанты возникла необходимость заручиться одобрением Вильсона на планируемое мирное урегулирование, и американский президент отказался признать юридическую силу таких секретных соглашений, как Лондонский договор 1915 года. В результате представители стран-победительниц встретились в Версале, чтобы вновь обсудить сложный вопрос о разделе добычи, причем Вильсон фактически обладал правом вето на окончательное соглашение.

Как и другие члены Антанты, итальянцы были восторженными сторонниками Америки, поэтому Витторио Эмануэле Орландо, Сидни Соннино и их коллеги в Версале, хотя и верили в возможную благосклонность Вильсона, не решались решительно отстаивать свою точку зрения. Итальянские дипломаты в Версале предпочли отложить обсуждение своих территориальных требований до тех пор, пока не будут решены дру-

¹⁶ Самые последние и провокационные обсуждения Лондонского договора и связанных с ним проблем послевоенной дипломатии можно найти в книге Arno J. Mayer's *Politics and Diplomacy of Peacemaking* (New York: Knopf, 1966).

гие, более важные вопросы: вопросы, касающиеся Германии и остатков бывшей Австро-Венгерской империи. К их огорчению, Вильсон был категорически против ряда уступок, которые были сделаны итальянцам по Лондонскому договору. Когда итальянцы попытались обсудить этот вопрос с американскими представителями, им не удалось изменить их позицию. Вильсон считал, что все Адриатическое побережье, за исключением Триеста, должно стать частью нового государства Югославия. Хуже того, с самого начала стало ясно, что американцы просто не доверяют итальянцам, чей «имидж» в Америке был совсем не таким, как в пламенной риторике Д'Аннунцио. Большинство американцев, включая Вильсона, считали, что итальянцы ненадежны и морально испорчены, что если у них и не было криминальных наклонностей, то они, в лучшем случае, были прирожденными лжецами. Америка Вудро Вильсона, была Америкой процесса Сакко и Ванцетти, и эта Америка не была расположена идти на значительные уступки представителям Орландо в Версале¹⁷.

Эта смесь итальянской неуверенности и американской подозрительности и враждебности создала серьезные дипломатические проблемы для сотрудников Министерства иностранных дел Италии, которые участвовали в переговорах в Версале. Проблемы были достаточно серьезными, что исключало какое-либо быстрое решение, тем более на повестке дня стояло множество других вопросов, которые требовали внимания и усилий дипломатов. По мнению итальянских представителей, это была просто мудрая дипломатия — действо-

¹⁷ Я в долгу перед профессором Генри Бергером из Вашингтонского университета за то, что он указал на интенсивность антиитальянских настроений в американской массовой культуре в тот период. Статьи об итальянских иммигрантах еще до войны назывались «Отбросы общества». Антиитальянские предрассудки Вильсона более подробно рассмотрены в главе 4.

вать осторожно, стараясь убедить американцев в добрых намерениях Италии и не провоцировать кризис.

Шансы на удовлетворительное урегулирование территориальных претензий Италии были подорваны появлением нового ирредентистского движения внутри Италии. Это движение требовало не только все территории, обещанные Лондонским договором, но и небольшой городок на западном побережье Югославии, который не был частью ни одного из договоров: Фиуме. По иронии судьбы, основанием для притязаний Италии на Фиуме были те, которые Вильсон выдвинул для отклонения требований Италии в Далмации — право народов на самоопределение. Ибо хотя «итальянскость» адриатического побережья вокруг Сплита была в лучшем случае сомнительной, можно было утверждать, что большинство населения Фиуме было итальянским и хотело присоединиться к итальянской нации; действительно, прошлой осенью правительство города официально заявило о своем желании стать частью Италии. Ситуация еще более осложнялась тем фактом, что Фиуме находился под совместной оккупацией Союзников, и там были расквартированы французские, итальянские, британские и американские войска в ожидании решения вопроса в Версале.

Шли месяцы, и становилось все более очевидным, что Италии было трудно убедить Союзников уступить территорию вдоль Адриатического побережья, независимо от того, претендовали ли итальянцы на нее по праву договора (Лондонский договор) или по праву самоопределения (случай с Фиуме). С течением времени в стране росла волна справедливого негодования. Разве Италия не выиграла войну? Разве она не имела права на территориальные приобретения за свое участие в конфликте? Почему же тогда она вынуждена вести себя как нищенка, выпрашивающая крохи

со столов богатых стран Запада? Человеком, который выразил эти чувства наиболее страстно и красноречиво, был Д'Аннунцио, придумавший страстный лозунг: «О, победа, ты не будешь изувечена»¹⁸.

Поначалу риторика Д'Аннунцио служила интересам Соннино и Орландо, которые оставались твердыми в своих требованиях за столом переговоров о мире. Как и поэт, эти государственные деятели считали, что для страны было бы катастрофой, если бы они покинули Версаль, не получив существенного вознаграждения за усилия в Великой войне. В частности, они опасались серьезных внутренних последствий, вплоть до гражданской войны, если бы Вильсон и другие союзники расстроили планы Италии. По иронии судьбы, они боялись таких людей, как Д'Аннунцио, достаточно импульсивных, чтобы запустить какой-нибудь безумный план. Эти опасения были вполне обоснованны, поскольку Д'Аннунцио говорил о себе как о человеке, не желающем отказываться от своей роли главного воина Италии. Очевидно, он жаждал каких-то новых драматических действий и был глубоко обеспокоен судьбой Адриатического побережья Италии. Эта озабоченность была высказана в январе 1919 года в эссе, озаглавленном «Письмо к далматинцам». «Те из нас, кто пролетел над Триестом, пройдя сквозь пламя, овладели городом. Тот, кто бросил вызов аду Пола, захватил порт для Италии. Тот, кто сотворил чудо на Премуде, взял под свой контроль весь архипелаг... Те, кто нарушил Карнаро в ночь Буккари, хотели заполнить пустоту, оставленную Лондонским договором... С самого начала и до конца я принадлежал к этой породе людей...»¹⁹.

По словам Д'Аннунцио, эти героические усилия должны были увенчаться триумфальным заключением

¹⁸ Valeri, Da Giolitti a Mussolini, p. 36.

¹⁹ D'Annunzio, Prose di ricerca, 1: 803–19.

мира, но вместо этого Италия, казалось, задыхалась от своей победы. На самом деле эта победа, казалось, породила больше проблем, чем сама война. Прежде всего Италия теперь столкнулась с новым врагом, и Д'Аннунцио изобразил своего нового противника как группу, разваленную словами Вильсона и американскими долларами. Он предостерегал своих соотечественников не слушать тех, кто призывает к терпению, умеренности и компромиссу. Какой мир, спрашивал он, в конечном итоге будет навязан итальянцам? «*Rex gallica? Rex britannica? Rex stelligera?* Несчастные люди...». Он настаивал на том, что это вовсе не та судьба, за которую сражались и умирали. Италия должна обрести свой собственный справедливый мир, римский мир: «Мы сражались за великую Италию. Мы хотим, чтобы Италия стала великой. Я хочу сказать, что мы подготовили мистическое пространство для этого».

Как и во всех своих великих речах и патриотических произведениях, Д'Аннунцио сочетал политическое с религиозным, создав уникальную смесь того и другого. По его словам, именно за эту «божественную Италию» сражались он и его боевые товарищи, и именно этой божественной Италии они теперь требовали за столом переговоров в Версале. «Я и мои товарищи не хотим быть итальянцами в Италии, ослабленной трансатлантическими слабительными от доктора Уилсона и ампутированной хирургией доктора Клемансо»²⁰.

Эти слова были рассчитаны на то, чтобы вселить радость в сердца итальянской делегации в Версале, но Д'Аннунцио ясно дал понять, что если Италия не сможет выйти из конференции с должным сохранением «божественной Италии», он возьмет дело в свои руки. «Сегодня я готов, — сказал он патриотам Далмации, которым адресовал свое послание, — пожертво-

²⁰ Ibid.

вать всей любовью и дружбой, всеми удобствами ради вашего дела... я буду с вами до конца. И вы знаете, что я имею в виду под этим обещанием».

Вся Италия знала, что он имел в виду. Страна была истощена войной и стремилась вернуться к мирной жизни, но многие итальянцы не согласились бы на мир, который предполагал Вильсон. Д'Аннунцио говорил не только от своего имени и от имени других патриотически настроенных ветеранов войны, но и от имени значительного и влиятельного сектора итальянской политической и промышленной сфер. Если Орландо и Соннино не удастся достичь своих целей во Франции, найдутся богатые и влиятельные люди, готовые поддержать Д'Аннунцио или ему подобных, которые просто заберут то, что, по их мнению, принадлежит им по праву.

Если ситуация вызывала тревогу у правительства, разделявшего аннексионистские устремления Д'Аннунцио и его сторонников, то для Франческо Саверио Нитти, сформировавшего новое правительство в середине июня, она была определенно угрожающей. Нитти, который не был империалистом, считал, что мир и спокойствие для его страны гораздо важнее, чем острова в Адриатическом море или контроль над портом и железнодорожными линиями Фиуме. Кроме того, Нитти был в ужасе от перспективы открытого конфликта с Америкой, особенно после того, как американцы пригрозили прекратить поддержку итальянской лиры²¹. Если бы это было сделано, как объяснили итальянцам представители Соединенных Штатов в Риме и Версале, было бы сомнительно, что американское зерно продолжало бы поступать в Италию. Поскольку многие районы полуострова уже находились на грани голода,

²¹ «General Records of the American Commission to Negotiate Peace (1918–1931)», Record Group 256, microcopy 820, roll 437, National Archives, Washington, D.C.

а склады с продовольствием уже становились объектами беспорядков и разграбления, эти угрозы имели значительный вес.

Таким образом, Нитти оказался в щекотливом положении, вынужденный иметь дело как с Америкой, которая не желала, чтобы Италия извлекла выгоду из военных трофеев, так и с растущим движением внутри собственной страны, которое угрожало взять дело в свои руки, если Нитти уступит Вильсону в вопросах, касающихся Далмации и Фиуме. Сами фиуманцы оказались способными пропагандистами от своего имени, и им удалось превратить Фиуме в великую символическую проблему для всей нации. К середине лета 1919 года многие итальянцы, которые годом ранее никогда не слышали о Фиуме, были убеждены, что от решения фиумского вопроса зависит честь их страны. Д'Аннунцио выразил эти эмоции 25 апреля в речи перед тысячами восторженных венецианцев на площади Сан-Марко: «Сегодня во всех морских портах далматинских городов, на всех стенах самого пламенного Фиуме книга закрыта. Если мы откроем ее снова, мы откроем ее на той странице, на которой написано кровью Монтелло, кровью Витторио Венето, как и над воротами Ровиньо: VICTORIA TIBI, MARCE. VICTORIA TIBI INTEGRA, ITALIA» (Бурные аплодисменты)²².

²² D'Annunzio, *Prose di ricerca*, 1: 857–58.